

N.A. Kraynova

RUSSIAN CRIMINOLOGICAL LEGISLATION: CONCEPT AND IMPLEMENTATION

Nadezhda Kraynova - Dean of the Law Faculty, Saint-Petersburg State University of Economics, PhD in Law, Associate Professor, Saint-Petersburg; e-mail: kraynova.n@unecon.ru.

The article deals with the theory of establishing the right to counter crime. The concept is presented as a systemic idea of implementation of criminological law which appears to be relevant and realistic approach. It allows to simultaneously divide and at the same time separate established and well performing forms, adverse and preventive measures and means (criminal-law based, security measures, means of social reintegration and other instruments of non-panel influence) as well as to put the ones together in the framework of a single right to counter crime due to commonality of goals and the object of influence.

Keywords: criminological legislation; right to counter crime; no-penal influence; social reintegration.

Н.А. Крайнова

РОССИЙСКОЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ОТ ИДЕИ ДО РЕАЛИЗАЦИИ

Надежда Александровна Крайнова – декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; e-mail: kraynova.n@unecon.ru.

Концепция формирования права противодействия преступности, как системная идея реализации криминологического законодательства, представляется актуальной и реалистичной, так как позволяет в одно и то же время разделить сформированные и функционирующие в своей плоскости формы, меры и средства предупредительного воздействия (уголовно-правовые, меры безопасности, средства ресоциализации и иное некарательное воздействие), но также и объединить их в рамках единого права противодействия преступности ввиду общности целей и объекта воздействия.

Ключевые слова: криминологическое законодательство; право противодействия преступности; некарательное воздействие; ресоциализация.

Формирование криминологического законодательства как самостоятельной отрасли законодательства в России имеет свою историю. Так, в Российской империи Устав о предупреждении преступлений 1832 года, а также принятые впоследствии нормативно-правовые акты могут быть примером законодательной регламентации норм, регулирующих отношения, связанные с противодействием преступности. О необходимости правового регулирования деятельности, направленной

на предупреждение преступлений, в этих целях разработки и принятия отдельного нормативно-правового акта писали такие известные ученые, как В.В. Лунеев, В.С. Устинов, Н.Ф. Кузнецова, А.И. Долгова и др.¹. Однако в наиболее полном ви-

¹ См., например, Лунеев В.В. К проекту закона «О предупреждении преступности» // Государство и право. 1996. № 1. С. 38–48; Устинов В.С. Проект основ законодательства Союза ССР и республик о профилактике правонарушений. Горький, 1990;

де идея о необходимости введения в оборот понятия криминологического законодательства, как и само данное понятие, были представлены профессором Д.А. Шестаковым в 1996 году во время выступления в ходе беседы, организованной Санкт-Петербургским криминологическим клубом [8. С. 13].

В своем докладе Дмитрий Анатольевич высказал предложение об «использовании понятия «криминологическое законодательство» в широком и узком смыслах. В широком смысле составляющими криминологического законодательства является, помимо собственно криминологического, также и уголовно-правовой раздел, включающий в себя нормы материального, процессуального и исполнительного права. В узком смысле собственно криминологическое законодательство составляет «нормативная основа социального контроля за преступностью в той его части, которая не связана с применением уголовной репрессии, как отмечает Д.А. Шестаков, <...> оно складывается из нормативных актов: 1) определяющих криминологическую политику, 2) направленных на ресоциализацию криминогенных слоев населения, 3) специально предупреждающих правонарушения несовершеннолетних и молодежи, 4) обеспечивающих помощь жертвам преступлений (виктимологическое законодательство), 5) регламентирующих деятельность субъектов социального контроля за преступностью» [8. С. 13].

Предложенная концепция получила свое заслуженное одобрение в научных кругах и дальнейшее развитие в законотворческой деятельности. В России был принят ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» № 182-ФЗ [1], который имеет основополагающее значение для криминологического законодательства Российской Федерации. Разработка и принятие документа такого рода само по себе явля-

лось и является до сих пор серьезным прорывом в области правового регулирования отношений, возникающих в сфере противодействия преступности. Однако формулировки норм закона, а также отсутствие дальнейшего правотворчества в данной области, которое было бы направлено на развитие предусмотренных в законе нормоположений, позволяют в настоящее время говорить о сугубо декларативном характере данного нормативно-правового акта.

Следует отметить, что Федеральный закон № 182, в котором закреплены определенные «идеальные конструкции правового регулирования» и которые должны способствовать предупреждению правонарушений в РФ, в настоящее время не действует в полной мере. Данный закон не является нормативным актом прямого действия. Нормативно-правовых актов, которые развивают и конкретизируют положения ФЗ № 182, не принято, что обуславливает декларативный характер данного документа. Однако, безусловно, влияние на российское правовое поле в данной области принятый Федеральный закон оказал.

Так, П.А. Кабанов отмечает, «принятие базового федерального криминологического закона не повлияло на действующее федеральное специальное или отраслевое криминологическое законодательство о противодействии отдельным видам противоправного поведения <...>. Вместе с тем, вступление в действие базового федерального криминологического закона повлияло на изменение базового регионального криминологического законодательства, в которое были внесены необходимые изменения и дополнения, а в отдельных случаях произошла отмена старого криминологического законодательства и принятие нового, соответствующего требованиям федерального законодательства» [4. С. 22].

Анализ принятых и действующих нормативно-правовых актов РФ в сфере противодействия преступности показывает, что они отличаются взаимообусловленностью и взаимоподчиненностью. Причем данные нормативные акты имеют

Барина Л.В., Миньковский Г.М., Ревин В.П. Концепция проекта Федерального закона «Об основах предупреждения преступлений» // Государство и право. 1998. № 3. С. 43–49.

сферу действия на федеральном уровне и на уровне субъектов РФ. Кроме того, можно проследить и подразделение на нормативные документы, носящие общий и отраслевой характер. Это нормативно-правовые акты, регулирующие отношения в связи с противодействием терроризму, экстремизму, коррупции, отмыванию преступных доходов, преступлениями несовершеннолетних и т.д. То есть, можно говорить о таком признаке, как системность правового регулирования, что является одной из предпосылок кодификации законодательства. По крайней мере есть все основания утверждать, что в обществе назрели необходимые для начала этого процесса предпосылки.

На теоретическом уровне идея разработки и принятия Криминологического кодекса как самостоятельного нормативно-правового акта была предложена и реализована В.Н. Орловым, который предлагает не только собственную модель Криминологического кодекса, но и обосновывает мнение о существовании криминологического права РФ [6]. Как представляется, в предложенной идее и модели есть определенный смысл, но в настоящее время говорить о существовании в РФ криминологического права как отрасли права пока преждевременно. Представленная В.Н. Орловым модель Криминологического кодекса также вызывает определенные замечания, которые при конструктивном к ним отношении и реализации будут, как представляется, способствовать оптимизации данного проекта нормативного документа. Прежде всего, выскажем определенный скепсис в отношении самого названия документа – «Криминологический кодекс». И тут поддержим мнение Т.П. Афонченко в том, что «в первую очередь криминология рассматривается как теоретическая междисциплинарная отрасль научного знания. Криминология – учение о преступности. В этой связи подобное наименование для официального документа, который получит реализацию в правоприменительной деятельности, представляется не совсем комфортным для восприятия» [3. С. 34]. Кроме того, и тут мы согласны с мнением

А.В. Никуленко, «не вполне понятно, какие задачи будет призван решить предлагаемый Владиславом Николаевичем Орловым Кодекс, кроме как систематизации имеющихся нормативных правовых актов и разграничения полномочий субъектов профилактики [5. С. 31]. И в завершении, мы, безусловно, солидарны с позицией Д.А. Шестакова, который определяет предложенный В.Н. Орловым Криминологический кодекс, по сути, являющимся кодексом мер безопасности, акцентируя внимание на «уголовно-исполнительном подтексте» предложенного проекта: меры предупредительного воздействия исполняются и отбываются [8. С. 15]. Безусловно, не все меры предупредительного воздействия «отбываются», так как могут быть применены и по отношению к лицам, не совершившим противоправных деяний, но в силу обстоятельств, попадающих в круг противопреступного воздействия. Например, в случае захвата заложников, в ходе проведения спецопераций по обезвреживанию преступников, воздействию мерами безопасности подвергаются лица, волею обстоятельств оказавшиеся в числе заложников. Или другой пример, тотальный досмотр, которому подвергаются все без исключения лица перед полетом на воздушном транспорте.

Концептуальным, как представляется, вопросом для формирования современного криминологического законодательства является вопрос, который был совершенно четко сформулирован в качестве темы беседы, состоявшейся 12 октября 2018 года в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе: «Криминология – уголовное право – право безопасности: схватка или единение?» При всех сложностях и противоречиях, возникающих при ответе на этот вопрос, с неизбежностью следует констатировать факт реального практического применения мер безопасности в современных условиях.

В связи с этим вполне логично утверждение Н.В. Щедрина, который отмечает, что «наступила новая фаза развития цивилизации, в которой первой и главной целью людей должно стать уже не столько

удовлетворение непрерывно растущих материальных потребностей, <...> сколько всестороннее обеспечение безопасности своей жизнедеятельности» [10]. Система институтов безопасности и право безопасности должны быть органично увязаны с тем арсеналом средств предупреждения преступлений, которые уже существуют у современного законодателя и правоприменителя.

Совершенно логичным в рассматриваемом контексте представляется предложенная Д.А. Шестаковым и развиваемая в рамках невско-волжской криминологической школы концепция сочетания норм о «некарательном предупреждении преступлений с нормами об уголовной ответственности в качестве единого целого. И в этой связи выдвижение в рамках дискуссии о криминологическом законодательстве теории единого права противодействия преступности, которое включало бы в себя «Основы законодательства о противодействии преступности» (устанавливаются общие положения и принципы). В соответствии с Основами принимаются новые кодексы: Кодекс предупреждения преступлений и ресоциализации; Кодекс мер безопасности, Кодекс уголовной ответственности молодёжи (несовершеннолетних?) и восстановления её положения в обществе. Соответственно Основам должно произойти взаимопроникновение установлений новых кодексов с прежними: Уголовным, Уголовно-процессуальным, Уголовно-исполнительным» [9].

Концептуальные основы формирования системы права противодействия преступности как системная идея реализации криминологического законодательства представляется актуальной и реалистичной, так как позволяет в одно и то же время разделить сформированные и функционирующие в своей плоскости формы, меры и средства предупредительного воздействия (уголовно-правовые, меры безопасности, средства ресоциализации и иное некарательное воздействие), но также и объединить их в рамках единого права противодействия преступности ввиду общности целей и объекта воздействия. Идея объединения вышеуказанных форм,

мер и средств воздействия в единый Криминологический кодекс представляется менее удачной, так как вряд ли удастся логично и эффективно соединить в одном законодательном акте столь различающиеся по своей сути предупредительные меры. Хотя такие идеи, вполне возможно, в будущем еще будут высказываться и аргументироваться.

Немаловажное место в законодательстве о противодействии преступности занимает Кодекс предупреждения преступлений и ресоциализации (КППР), который должен содержать правовые нормы, регламентирующие основные понятия предупреждения преступлений и ресоциализации, принципы их реализации, меры и средства предупредительного, ресоциализирующего воздействия. Безусловно поддерживая идею существования такого кодекса, высказанную Д.А. Шестаковым, подчеркнем, что здесь очень важно определиться с терминологией. Прежде всего, понятием ресоциализации, так часто критикуемым в научной доктрине [7].

Традиционно термин «ресоциализация» в отечественной доктрине связывают с термином «ресоциализация осужденных», что, на наш взгляд, существенно сужает понимание данной конструкции. И уж тем более не способствует логичному использованию в правоприменительной деятельности термина «ресоциализация» та формулировка, которая представлена в ст. 25 ФЗ № 182 от 23.06.2016 г. Согласно данной статье ресоциализация характеризуется как комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера» [1]. На наш взгляд, здесь законодатель смешивает понятие ресоциализации и мер ресоциализирующего воздействия, подменяя одно другим. Кроме того, согласно ст. 17 вышеупомянутого Закона ресоциализация отнесена к формам про-

филактического воздействия наряду с профилактической беседой, социальной адаптацией, социальной реабилитацией. С такой позицией законодателя трудно согласиться, так как нам представляются очевидными существенные различия между данными понятиями. К формам профилактического воздействия уместно отнести меры ресоциализирующего воздействия, к которым относится, например, профилактическая беседа, правовое просвещение, правовое информирование и т.д. Логичным представляется исключение п. 8 из ч. 1 ст. 17 ФЗ № 182 от 23.06.2016 г. и законодательное закрепление понятия ресоциализации в отдельной статье названного закона².

Еще один аспект, который нельзя упускать из виду, говоря о криминологическом законодательстве и его содержании, – это учет в ходе осуществления противопреступной профилактики в качестве субъекта воздействия не только лиц, совершивших преступления, но и лиц, потерпевших от преступления, лиц, оказавшихся в круге общественно опасного воздействия в результате наступления преступного результата. Этому аспекту проблем незаслуженно мало уделяется внимания в отечественной доктрине и правоприменительной деятельности. А, между тем, пласт проблем здесь довольно широк и глубок. Достаточно вспомнить нашумевшее дело Виталия Калоева, который за весьма непродолжительное время из потерпевшего превратился в преступника [2]. Как представляется, в сложной цепочке событий и обстоятельств, которая привела к совершению преступления, немаловажное значение имеет отсутствие реально действующих механизмов, способствующих ресоциализации потерпевших.

Логичным, на наш взгляд, представляется определение понятия «ресоциализации» как определенного процесса восстановления индивида в качестве социа-

лизированного члена общества. Данный процесс осуществляется на основе применения к лицу, совершившему преступление, а также осужденному за него и/или потерпевшему от преступления, мер безопасности, включающих комплекс правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия с целью недопущения совершения противоправных деяний. И с этих позиций включение данного определения в законодательство о противодействии преступности, в частности, в Кодекс предупреждения преступлений и ресоциализации (далее – КППР).

Над содержанием КППР, а равно и других законодательных документов, составляющих единое законодательство о противодействии преступлениям, еще предстоит много думать. Но, как представляется, в настоящий момент совершенно очевидно назрела необходимость такой работы: единое криминологическое законодательство, закрепляющее нормы права противодействия преступности, начинает формироваться. Составляющими права противодействия преступности должны быть традиционное отраслевое законодательство (нормы уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного права), право безопасности и право предупреждения преступности и ресоциализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 24.02.2019).

2. Дело Калоева: вся тяжесть вины легла на плечи безутешного отца // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20051028/41924891.html> (дата обращения: 24.02.2019).

3. *Афонченко Т.П.* Перспективы формирования в Республике Беларусь права противодействия преступности // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1(48). С. 34–36.

4. *Кабанов П.А.* О кодификации Рос-

² Предложения о введении в законодательный оборот понятия ресоциализации применительно к категории осужденных уже предпринимались ранее автором настоящей работы, но несколько в иной интерпретации.

сийского криминологического законодательства: рассуждения по случаю // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1(48). С. 21–25.

5. *Никуленко А.В.* О задачах криминологического кодекса // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1(48). С. 30–33.

6. *Орлов В.Н.* Основы криминологического права. М.: Криминологическая библиотека; Ставрополь: АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2016. 668 с.

7. *Селиверстов В.И.* Исправление или ресоциализация осужденных: спор о терминах или изменение сущности // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16–17 октября 2015 г.): избранные материалы / В.В. Акинфиева, А.А. Ананьева, С.И. Афанасьева и др.; отв. ред. В.Г.

Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. 448 с.

8. *Шестаков Д.А.* О проекте кодекса предупреждения преступлений и мер безопасности // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1(48). С. 13–20.

9. *Шестаков Д.А.* От «права безопасности» к единому законодательству о противодействии преступности // Санкт-Петербургский международный криминологический клуб: [сайт]. URL: <http://www.criminologyclub.ru/the-last-sessions/347-2018-10-20-07-48-31.html> (дата обращения: 24.02.2019).

10. *Щедрин Н.В.* Тезисы о праве безопасности // Санкт-Петербургский международный криминологический клуб: [сайт]. URL: <http://www.criminologyclub.ru/the-last-sessions/347-2018-10-20-07-48-31.html> (дата обращения: 24.02.2019).